

Пролог

ГЛЕБ

*Байкал. Деревня Листвянка.
Девятнадцатый год метеоритного дождя*

«**П**омоги! Помоги-и-и!»
Глеб вздрагивает. Этот голос... Нет, только не снова!

«Иди ко мне! Ты мне нужен!»

Мальчик отворачивается. У него начинает резко ломить виски. Он сжимает зубы, чтобы не заплакать. Нельзя — мужчины не плачут. Папа так говорит, а папу надо слушать.

«Помоги-и-и мне!»

Голос, казалось, доносится сразу со всех сторон и одновременно ниоткуда. Глеб осматривается. Все как обычно — скалы, лес, болото... Бескрайнее болото. И никаких признаков жизни... Но кто-то ведь его зовет. Голос какой-то странный... и страшный. Что-то в нем не то, неправильное. Так не должно быть. Мальчик не может для себя сформулировать, в чем именно странность и неправильность, но от этого зова у него мороз продирает по спине. Мужчина? Женщина? Человек или...

«Где-е-е ты? Ты мне нужен!»

Нет-нет-нет-нет-нет!!! Мальчик бежит, сам не зная куда, да и какая уже разница? Лишь бы подальше от этого голоса и того, кто зовет. Правда, где это «подальше» находится, Глеб не знает, и оттого ему еще страшнее. Вот бежит он вроде бы от голоса, а может быть, как раз туда, где находится Зовущий...

«Помоги-и-и!»

Быстрее-быстрее! Только бы не споткнуться и не упасть! В этих камнях можно навернуться так, что костей не соберешь. Но Глеб боится не только боли, куда сильнее его страшит мысль о том, что будет, если его настигнет Зовущий...

Главное, сбежать с этого скального гребня, а потом, потом... Мальчик останавливается, будто налетает на стену: внизу, под скалами, в серой, унылой болотной грязи возникает нечто... Провал, яма. Чуть дальше — еще одна, потом еще две. Ближний провал расползается в стороны, словно ослабившийся огромный рот, а два дальних расширяются подобно открывшимся векам, и чудовищное лицо бескрайней топи смотрит на мальчика.

«Иди ко мне!!»

И тогда Глеб начинает кричать.

* * *

— Сынок! — Руки мамы держали Глеба за плечи, пытаясь унять бешеную дрожь, которая сотрясала тело вынырнувшего из кошмара мальчика. — Сынок, успокойся, это всего лишь сон.

Крик оборвался, словно обрезанный ножом, — ведь мужчины не плачут и не кричат. Пока Глеб безу-

спешно пытался унять перестук зубов, крупные капли пота попали ему в глаза, которые тут же начало немигосердно щипать. Жмурясь, чтобы справиться с выступившими слезами, мальчик успел увидеть в сумраке за спиной мамы папино бледное и напряженное лицо.

— Снова то же самое? — тихо спросила мама, и Глеб кивнул, не открывая глаз.

— Хочешь, я побуду с тобой?

Мальчик замер, борясь с искушением сказать «да». Так не годится, он уже большой — ему девятый год пошел, и он мужчина. Нельзя вечно прятаться за мамину юбку. Так считает папа, а папа для Глеба — главный человек.

— Нет, — он помотал головой, будто одного слова было недостаточно. — Все хорошо, мама. Правда.

Мамины пальцы замерли на плечах сына.

«Рита...» — едва слышный голос папы.

— Полежи немного, сынок, я тебе пустырника накапаю.

Пальцы отпустили плечи, и Глеб, так и не открывший глаза, услышал шаги. Папины и мамины. Родители вышли из его комнаты и плотно прикрыли дверь. Так они делают, когда не хотят, чтобы Глеб что-то слышал... Но ведь они не запрещают ему слушать, а значит...

Мальчик напряг слух, одновременно отсекая посторонние звуки, сразу ворвавшиеся в звенящую тишину спальни: хлопанье крыльев бабочки по стеклу, легкий шелест листьев яблони за окном... Только голоса. Папы и мамы. Внизу, в большой комнате, где телевизор. Они там. Далеко. Но Глеб их все равно слышал.

Голос мамы:

— Мне это не нравится.

— Мне тоже, — ответил папа. — Все, завтра я звоню Свете.

— Но она же...

— Думаешь, я этого не понимаю, Рита? Но парню нужно помочь, и Света — единственная подходящая кандидатура. Что до нашего секрета... она никому ничего не скажет — я об этом позабочусь.

Глава 1

АЛИНА

Екатеринбург. Отделение АПБР

— **Т**вою ж налево! — пробормотала себе под нос Алина Хомчик и в сердцах сжала в руках пустой картонный стаканчик из-под кофе, словно уничтожая в его лице полковника Гнедого. — Ведь как специально подгадали, а! Бросит меня Лешка, как пить дать бросит! И будет, так его налево, совершенно прав!

Картонный стаканчик снайперски попал в урну, стоящую в паре метров от Алины. Время для экспедиции и впрямь было выбрано исключительно неудачно: давно запланированная поездка с почти уже женихом теперь отправлялась в ту же урну, ибо приказы руководства не обсуждаются, а договоренность об отпуске, похоже, относилась к категории проблем негров, которые, как известно, не сильно волнуют шерифа. «И ведь третий раз уже такое!» — с тоской подумала Алина. Такими темпами Лешка из «почти уже» в жениха не превратится никогда. Хотелось ругнуться в голос и от души пнуть кофейный автомат, но оперативнику АПБР в звании капитана, а с не-

давних пор — командиру экспедиционного отряда, направляющегося в Таганайскую Зону, такое поведение не подобало, пусть даже никто ее не видит... Хм, никто?

— Док, может, прекратите изображать античную статую? — бросила Алина в темноту коридора. — Ей-богу, ощущение, что вы за мной подглядываете. А я этого очень не люблю.

— Не думал даже, — Эдуард Прохоренков, доктор биологических наук и с нынешнего утра — научный руководитель экспедиции, «вышел из сумрака». — Просто вижу, что вы не в духе, капитан Хомчик, а нам надо поговорить.

Алина хмыкнула:

— Док, чтоб вы знали, звать меня по фамилии — не лучший способ со мной подружиться. Или по имени, или нам будет трудно взаимодействовать в экспедиции.

Научник пожал плечами.

— Нет проблем, Алина. Так мы можем поговорить?

— А повременить с этим нельзя? — буркнула Хомчик. — У меня после только что завершившегося оперативного совещания образовалось до хрена дел.

— О них, собственно, речь и пойдет, раз уж дела у нас теперь во многом общие.

— Эххх...

— В моем кабинете будет удобнее всего, — усилил натиск научник, видя, что цитадель готова пасть.

— Только покороче, ладно? — обреченно отозвалась наконец «цитадель» и двинулась по коридору следом за Прохоренковым, все еще мусоля в голове прошедшее совещание.

* * *

— ...и ментальная активность в Зоне увеличилась на 40 процентов за последние несколько недель, — завершил свой доклад профессор Стебенев, глава научного корпуса уральского отделения АПБР, — что внушает немалую тревогу.

Он обвел взглядом участников совещания, ожидая вопросов. Однако все молчали: слишком тревожной выглядела подводка научных, и было не очень понятно, чего в связи с этим ожидать. Неписанный закон о наказуемости инициативы помнили все, так что открывать рот и привлекать к себе внимание не спешили.

— Лес рук... — Полковник Гнедой, начальник отделения, хлопнул по столу широкой мозолистой ладонью. — Значит, так. Таганайская Зона по всем параметрам переходит в четвертую категорию опасности, но такими темпами и до пятой недалеко. В подобных случаях наши инструкции предусматривают консервацию Обломка... Однако есть рекомендация Москвы указанную меру придержать.

Полковник сделал паузу, ожидая изумленного или возмущенного гула, однако в комнате совещаний повисла напряженная тишина. То ли вышkolены были сотрудники отменно, то ли просто не знали, как реагировать на заявление начальника отделения, которое в общем-то можно было назвать из ряда вон выходящим.

— Тем не менее никак не реагировать на возросшую активность Зоны мы не можем. Уже дано указание об усилении охраны Периметра военными частями с тяжелой бронетехникой, но этого мало. Нельзя

сидеть и, как тот мужик, ждать, когда грянет гром. Нам нужно организовать экспедицию в глубь территории Зоны силами оперативного и научного корпусов нашего отделения. Мы должны выяснить, чего нам ждать в ближайшее время. Что означает усилившаяся ментальная активность и какие процессы происходят в глубине Зоны, в ближайших окрестностях Обломка. Экипировка двойная... нет, тройная от обычной нормы во всем, что касается вредоносных факторов. Антино-ва, пси-блокираторы, ан-детекторы... впрочем, не мне вас учить. Командиром экспедиции назначаю капитана Хомчик... — Тут Алине показалось, что тяжелый взгляд полковника, словно дрель, забурился ей в лобную кость. Поэтому она сжала зубы, стараясь ничем не выдать накрывший ее вал отрицательных эмоций, и только молча кивнула. — От научного корпуса — профессор Прохоренков. Команды себе подбираете сами, до шестнадцати ноль-ноль завтрашнего дня представить мне списки на утверждение. Общая численность — не более пятнадцати человек. Вопросы?

* * *

Пока они шли, взгляд Алины гулял по сутулой спине научника. Эдуард Прохоренков, несмотря на восемь лет совместной работы, оставался для нее темной лошадкой. Из всего научного корпуса он, пожалуй, был самым замкнутым и необщительным. Притом что доктор наук в сорок с копейками — это круто, и все такое, складывалось ощущение, что все остальное в своей жизни он принес в жертву работе. Типичный ученый сухарь, немного склонный к полноте и не особо за собой следящий. Запросто мог явиться на совеща-

ние к шефу растрепанным и небритым. Алина поймала себя на мысли, что просто не представляет его себе в каком-то ином образе, кроме как в лабораторном халате или джинсах и заношенном пиджаке. Не представляет его веселящимся и выпивающим в компании, не может его вообразить в обществе женщины, если она не его коллега и они не взаимодействуют по работе. Ей казалось, что он и разговаривал-то по большим праздникам, будто слов ему на жизнь отпущено ограниченное количество или они все платные.

Поэтому уже сам факт, что он по собственной инициативе пригласил ее для разговора, был весьма удивительным. Она-то ожидала, что из него придется все клещами тянуть, специально вызывать, чтобы обсудить рабочие вопросы, а тут... Пусть настроение у нее сейчас не самое подходящее, но моментом надо пользоваться, пока этот сухарь снова не облачился в броню и не опустил забрало.

Кабинет Прохоренкова, если только эта каморка заслуживала такого названия, был обставлен предельно аскетично — стол с компьютером на нем, пара стульев, маленький холодильник и кушетка, на которой этот трудоголик, похоже, частенько спал. И все — голые серые стены, ни фотографий, ни каких-либо других цветowych пятен, словно этот человеко-робот хотел избавиться от всего, способного его отвлечь от дела.

Алина села на стул, не дожидаясь приглашения, и поехала — ей было неуютно в этом мертвом интерьере. Эдуард между тем включил компьютер и мрачно уставился в монитор.

— Вы, наверное, пьете только черный кофе, — внезапно произнесла Алина.

— С чего вы взяли?

— Просто от вашего вида, док, молоко сразу бы скисло, даже в холодильнике, — пояснила оперативница.

Ответом ей был полный непонимания взгляд, и Хомчик сокрушенно махнула рукой:

— Забудьте, проехали. Вы, кажется, хотели поговорить.

— Конечно, — он кивнул. — Мне нужно вам кое-что показать. Вот, смотрите. — Эдуард повернул к ней монитор, весь экран которого занимала карта мира, на которой горело несколько огоньков.

— Что это, док?

— Все известные нам на данный момент пробужденные Обломки.

— Шесть штук?

— По последним данным — да. Два у нас, совсем рядом.

— Таганай и Белоярка, — кивнула Алина.

— Остальные за границей. США, Северная Дакота; Канада, Британская Колумбия; Северная Африка, Эфиопское нагорье и Китай, провинция Хубэй.

— Ну, я примерно в курсе, и что?

— А то, что со времен пробуждения Белоярского Обломка ни с одной из Зон не было таких проблем, как с Таганайской.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Белоярская присмирела почти сразу же, с заграничными коллегами мы держим постоянный контакт. Уровень ментальной активности почти у всех на тридцать процентов ниже, чем у Таганайской, уровень агрессии — вообще несопоставим. Истребители... за границей даже толком не знают, что это такое. Разве что по нашим материалам.

— Не может быть! — изумилась Хомчик.

— Увы, может. Аномалии есть, да. Измененных — тоже определенное количество. Но жертв, если сравнивать с первыми несколькими часами существования Белоярской Зоны и со всей историей Таганайской, грубо говоря, нет.

— И у вас есть этому объяснение?

— Пока нет. Равно как и приказу, который спустили нам сверху.

— Не применять стан?

— Да.

— Ну, вы же ученый, док. Разве не вы первый должны ратовать за то, чтобы изучать неизвестное, а не уничтожать его?

— За казуистику вам пятерка, капитан Х... Алина. Одно дело я, ученый сухарь, у которого ни семьи, ни друзей. Другое — власти, которые вроде как за население отвечают. В Златоусте погибли двадцать тысяч человек, из которых больше половины превратились в истребителей. Таганайская Зона ведет себя как первые, дикие — Краснотайгинская, Печорская, Муромо-Владимирская и, долгое время, Питерская. Она чрезвычайно опасна. И в свете этого указание не трогать ее выглядит по меньшей мере странным.

Оперативница смотрела на Прохоренкова с изумлением: за несколько минут этого разговора он произнес больше слов, чем за предыдущие два года в сумме. А еще сильнее удивляли прорезавшиеся у него эмоции, на которые Алина, признаться, считала его не способным.

— Но приказ есть приказ, не так ли? — осторожно спросила оперативница.

— Я не призываю к бунту, если вы об этом, — хладнокровно отозвался Эдуард. — Просто задаю во-